

«Когда ехали от Парижа сухим путем до Шарлавиля»

Обратный путь Петра I из Парижа до границы с Австрийскими Нидерландами редко привлекал внимание историков. Эдуар де Бартелими первым описал пребывание царя в Суассоне и Реймсе и использовал официальную переписку из местных архивов¹. Гораздо полнее эти и другие документы привлек в своей статье Жан Бургиньон². Правда, использованные и опубликованные им в качестве приложения бумаги имеют в основном хозяйственный и финансовый характер, но тем не менее они дают наиболее полное представление о царской поездке по Шампани и Арденнам. Эта же сторона путешествия отражена в посольском документе «Росход дорожной, когда ехали от Парижа сухим путем до Шарлавиля и от Шарлавиля до Лиежа водою»³.

Пётр I был довольно беспокойным и обременительным гостем, поэтому французская сторона уже в мае поговаривала о предстоящем отъезде его на воды в Спа. Но дата отъезда была определена не ранее середины июня. 15 июня глава Совета по иностранным делам маршал д'Юкселль направил интенданту Шампани С.Ш. де Лекалопье (César Charles de Lescaplier, 1671—1753) инструкцию⁴, которая касалась обеспечения царственного путешественника всем необходимым в пути следования. Пётр со свитой в 61 человек должен был следовать до Шарлевиля в почтовых каретах со сменными лошадьми⁵, а далее по реке Мёз в барках до границы Франции. По-видимому, лишь

¹ Бартелими Э. де. Пётр Великий во Франции в 1716 году // Ежедневное прибавление к Русскому инвалиду. 1865, 1 февраля. № 5. С. 5—6.

² Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son départ de France en 1717 // Revue d'Ardenne et d'Argonne publiée par La Société d'études ardennaises. 1902. №1—2. P. 1—12; № 5—6. P. 65—91; № 7—8. P. 181—195.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 112—113.

⁴ Ibid. № 5—6. P. 66.

⁵ Сам царь, возможно, ехал в той «качалке» (коляске), которая по его заказу изготавливалась и испытывалась в Париже.

16 июня было окончательно решено, что царь отъедет из Парижа 20 июня после обеда, но места царских остановок и ночевок не были определены. Об этом говорилось во втором письме д'Юкселля к интенданту⁶. Маршала особенно беспокоил вопрос продовольственного обеспечения царского поезда. Поэтому в тот же день он отправил Лекалопье еще одно письмо, в котором сообщал, что в пути русское посольство будет обслуживать специально назначенный метрдотель господин Боке (Vosquet)⁷, но в местах остановок его следует обеспечить «по разумным ценам» мясом, хлебом, вином, посудой, кухонной утварью, столовым бельем и прочими вещами⁸.

Вопросы военного сопровождения царского поезда, а также оказания царю положенных воинских почестей находились в ведении маршала К.Л.Г. Виллара, который со своей стороны направил властям Шампани соответствующие указания⁹. Сначала царя должен был сопровождать военный эскорт из 10 гвардейцев из гарнизона Суассона; предполагалось, что они будут ожидать царя и меняться в четырех местах. За пределами Шампани эскорт должен был формироваться из состава кавалерии гарнизонов Мезьера и Шарлевиля.

Проблема состояла в том, что путь следования царя не был заранее утвержден: места остановок, обедов и ночевок зависели от воли царя, который мог изменить и сам маршрут. По словам французского историка, «Пётр Великий был путешественником нерегулярным и капризным; он не любил заранее планировать места остановок и отдыха в пути»¹⁰. В конце концов, был определен следующий сухопутный маршрут: Париж, Ливри, Ле-Бурже, Ле-Мениль, Нантёй, Виллер-Котре, Суассон, Брен, Жоншери, Реймс, Иль, Ретель, Лонуа, Мезьер, Шарлевиль¹¹. Предполагалось также, что царь посетит Седан, но поездка туда не состоялась.

Отблагодарив представителей принимающей стороны ценными подарками и завершив «культурную программу» последней поездкой на Монетный двор, царь собрался в обратную дорогу. День отъезда, 20 июня, пришелся на праздник Святой Троицы. После праздничного богослужения в отеле Ледигьер царь во второй по-

---

⁶ *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717... № 5–6. P. 66–67.

⁷ По-видимому, ему — «кухмистеру короля французского, который провожал от Парижа до Шарлевиля» — было подарено в конце пути три золотых медали, а поварам и слугителям — 40 червонных. — ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 112 об.

⁸ *Ibid.* P. 68.

⁹ *Ibid.* P. 68–70.

¹⁰ *Ibid.* P. 70.

¹¹ *Ibid.* P. 71.

ловине дня выехал из Парижа в сопровождении эскорта королевских мушкетеров. Была ветреная погода с дождем и градом. До деревни Ливри царя провожали маршал де Тессе и Л.Ф. де Вертон. Царь не захотел, чтобы далее его сопровождали официальные лица. Прощальный ужин состоялся во дворце Ренси, принадлежавшем первому королевскому метрдотелю маркизу Л.С. де Ливри¹², где Пётр остановился на ночь. За ужином высокий гость пил за здоровье короля и регента. Кучерам и караульщикам, «которые были ночью на карауле», было роздано 60 ливров.

Утром следующего дня царь прогулялся в садах Ливри и написал письмо Екатерине. В нем он благодарил её за подарки («а паче за крепиш»), которые получил только накануне в Париже, ибо были задержаны на таможне. «Отсель новова писать нечево, толко что мы вчерась из Парижа поехали прямо в Шпа, и чаем в пять или 6 дней зачать воды пить; а оттоль к вам. Дай Боже в радости вас видеть и вскоре»¹³, — писал Пётр жене. Выехав 21 июня из Ливри и проехав две станции, царь обедал в деревне Нантёй, принадлежавшей маршалу д'Эстре.

На следующем отрезке пути ответственность за прием Петра ложилась на интенданта Суассона де Нуантеля (Louis Claude Béchameil de Nointel, 1682–1761). Наслышанный о «причудливом» характере царя, он развернул бурную деятельность, чтобы угодить высокому гостю. Во всех местах, где царь должен был менять лошадей, интендант приказал приготовить «много мяса, вина, пива и прочей готовой провизии, на случай, если ему придет в голову там остановиться». Нуантель писал, что «постарается привести царя в Суассон» для следующей ночевки, поскольку здесь были приготовлены для него апартаменты и ужин. Хозяин стремился учесть гастрономические предпочтения русского гостя, включив в меню «много мяса, окорока, языки, пеклеванный хлеб, ибо <...> все это ему очень нравится»¹⁴. Царь действительно переночевал в Суассоне, «где были ввечеру и интенданта на дворе люминации»¹⁵, а рано утром 22 июня отбыл в сторону Реймса.

¹² Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 618; *Le Nouveau Mercure*. 1717, juin. P. 202–203.

¹³ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 69.

¹⁴ *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717... № 5–6. P. 72.

¹⁵ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

В Жоншери царя встретил интендант Шампани де Лекалопье, приготовивший здесь обильное угощение за счет средств реймского муниципалитета. Для русских гостей закупили шесть окороков, шесть больших пирогов с дичью, два бочонка пива, бочонок вина, шесть бутылок коньяка¹⁶.

Прибыв в Реймс в час пополудни, Пётр I провел там не более двух часов¹⁷. В столице Шампани царя принимали с пушечной стрельбой; городские власти и архиепископ встретили его у Парижских ворот и поднесли прохладительные напитки. Коротко ответив на приветствия, Пётр направился в аббатство Сен-Реми, в котором хранилась знаменитая Святая Стекляница — сосуд (флакон римского стекла) со священным елеем, якобы использованным в V веке при крещении короля франков Хлодвига; этим елеем совершалось помазание при коронации французских королей. Затем царь побывал в церкви Сен-Никез, известной на всю Европу своей «трясущейся колонной» — «третьей справа в центральном нефе — которая сильно вибрировала, когда били во все колокола»¹⁸. Говорят, что царь внимательно все осматривал и делал заметки в своей записной книжке.

Существует легенда, что Пётр I посетил и Реймский собор, где в сокровищнице ему показали так называемое Реймское евангелие («Евангелие Святого Жерома») — рукописную книгу XI века, содержащую старославянские кириллический и глаголический тексты. На этой книге, которую почитали за древность, но никто не мог прочитать, французские короли якобы приносили священную присягу во время коронации. Евангелие имело богатый оклад, украшенный частицами мощей и драгоценными камнями. Говорят, что царь с благоговением поцеловал оклад, а члены его свиты раскрыли книгу и заявили, что могут читать её первую часть, содержащую литургические фрагменты Евангелий, написанные кириллицей, но вторая часть (глаголическая) оказалась им неизвестной¹⁹. По другой версии, Пётр сам взял в руки книгу и, к удивлению присутствующих, начал свободно читать её вслух: «царь <...> едва

---

¹⁶ Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717... № 5—6. P. 73.

¹⁷ Пребыванию Петра I в Реймсе посвящена брошюра: Jadart H. «Passage de Pierre le Grand à Reims, le 22 juin 1717, notice accompagnée de documents inedites tirés des archives et de la bibliothèque de Reims» (Reims, 1890), а также глава «Молниеносный визит русского царя Петра Великого» в научно-популярной книге: Pellus D. «Reims: deux siècles d'événements. 1600—1800» (Reims, 2005).

¹⁸ Ibid. P. 73—74.

¹⁹ Paris L., Silvestre J.B. Évangélique slave, dit Texte du sacré, de la Bibliothèque de Reims // Bibliothèque de l'école des chartes. 1854. Vol. 15. P. 193.

бросив взгляд на первую страницу, прочел несколько фраз, а сопровождавший его князь Куракин тут же перевел эти фразы на французский язык. Царь пояснил, что евангельский текст написан от руки по церковнославянски <...> Цифра на первой странице означает 19, следовательно недостает начальных 18 страниц. О второй части царь не мог сказать ничего определенного»²⁰. Вся эта история с евангелием не имеет под собой прочных оснований в виде достоверных источников.

На пути из Реймса царя провожал интендант Шампани до деревни Иль. Вечером 22 июня царь прибыл в город Ретель, где представители муниципалитета приветствовали его и преподнесли ему шесть дюжин бутылок вина. Пётр остановился на ночлег в доме на улице Гран Пон²¹. Ужин для русских гостей традиционно был выдержан в раблезианском духе: для его приготовления запасли большое количество индеек, кур, зайцев, окороков, языков, дичи, вина, пива, хлеба, а также лососей и форелей²².

23 июня из Ретеля Пётр направился в Мезьер — «французской город, которой граничит с Брабандиею, которой фортификован и имеет гарнизон»²³. На въезде в Мезьер царю были оказаны воинские почести местным гарнизоном, а запасы подаренного вина увеличились еще на четыре дюжины бутылок. Высокий гость очень быстро проследовал в соседний Шарлевиль, где опять был встречен у ворот городскими властями и одарен шестью дюжинами бутылок вина, «тогда была троекратная стрельба как ис пушек, так и из мелкого ружья»²⁴. Приняв привычные почести, он направился во дворец местного судьи на Фландрской улице²⁵. После обеда царю представлялись члены городской администрации (город находился под формальным управлением принцев Конде). Жан Бургиньон ошибочно полагал, что Пётр I ночевал в Шарлевиле и здесь же посещал на следующее утро оружейную мануфактуру²⁶. Однако царский пу-

---

²⁰ Громан Г. Реймс, короли и древнерусское Евангелие // Наука и религия. 1970. № 5. С. 76.

²¹ В конце XIX века этот дом еще сохранялся на улице Кольбера и в нем располагался мировой суд. — *Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717...* № 5–6. Р. 76.

²² *Ibid.* Р. 75.

²³ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

²⁴ Там же.

²⁵ Дворец сохранялся до конца XIX века на Фландрской улице под номером 6/8. — *Bourguignon J. Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717...* № 5–6. Р. 78.

²⁶ *Ibid.* Р. 78.

тевой журнал указывает, что «того же числа (23 июня. — С.М.) из Шарлевил его царское величество пошел рекою Мазою судами»²⁷. «Почтмейстерам и постолоионам», которые везли царя и его свиту сухим путем, было роздано 150 ливров чаевых²⁸.

За неделю до царского приезда маршал д'Юкселль распорядился подготовить в Шарлевиле шесть барок для дальнейшего путешествия русского посольства по реке Мёз: «поскольку трудно сделать, чтобы они были одинаково чистые, необходимо обратить особое внимание на то, чтобы по крайней мере две из них были подготовлены тщательнейшим образом, а две другие также могли бы принять важных персон»²⁹. Все было сделано лучшим образом. В Шарлевиле царя ожидала целая флотилия: одна барка предназначалась для царя, вторая — для его кухни, третья — для слуг, четвертая — для «министров», пятая — для «генералов», шестая — для царской канцелярии. Суда были снабжены мебелью, кухонной утварью и съестными припасами. Было заготовлено 170 фунтов баранины, говядины и телятины, молодая косуля, два больших зайца, куропатка, восемь перепелов, пятнадцать кур, десять пар больших цыплят, три пары больших индюков, два больших индюшонка, шесть пар голубей, 350 раков, шесть окороков, один коровий и два свиных языка, 20 маленьких белых хлебов, 10 больших хлебов, 25 вилок капусты, 25 мускатных орехов, полфунта молотого перца, 3,5 фунта канарского сахара, четыре фунта риса, около фунта ячневой крупы, 20 фунтов коровьего масла, две сотни яиц, 24 артишока и большое количество овощей и фруктов. Ничего не забыли для оборудования кухни: от вертелов, ножей и шумовок до больших медных котлов. Барки, предназначенные для царя и его сановников, были снабжены коврами и занавесками, кроватями, креслами и даже стульчаками. Павильоны и флюгеры на барках были украшены царскими гербами³⁰. Общая сумма затрат на подготовку судов составила 4821 ливр, 8 су, 6 денье. Правда, часть суммы затем вернулась в городскую казну: мебель и кухонные принадлежности после возвращения судов из Льежа были проданы с торгов на 494 ливра³¹.

Путь флотилии проходил по узкому извилистому коридору между скалистыми берегами Мёза. По свидетельству царского журнала, ночевка состоялась у деревни Фур (Лефур) в шести милях от Шар-

---

²⁷ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 112.

²⁹ Ibid. P. 66.

³⁰ Ibid. P. 80.

³¹ Ibid. P. 81.

левиля. «В той деревне его царское величество был на заводах, где делают ружье»³². Однако французский автор полагал, что оружейные фабрики царь мог посетить в Шарлевиле и в городке Нузоне (Нузонвиле). Говорят, что здесь он беседовал с рабочими и вникал в малейшие детали производства. По преданию, некоторые из здешних мастеров были приглашены в Россию. Царю хотели показать и фабрику кружев, но он якобы ответил: «Кружева — это не мое дело; это было бы интересно царице, если бы она была здесь»³³.

Судя по журнальным записям, царь все-таки ночевал в Лефуре, а на следующее утро, отплыв «в шестом часу» и «с милю отошед, проехали село или слободу, именуемую Ревель (правильнее — Ревен. — С.М.), где мещане стояли на берегу реки, стреляли из ружья и укрывали тремя знаменами. Тут же приехали пасторы иезуиты в лотках и поздравляли его величеству»³⁴. 24 июня «в шестом часу» приплыли в город Живе с крепостью Шарлемон — это был последний пункт царского путешествия по Франции. «Тут стреляли из пушек, и от того места канвой французской поворотился, для того что от Шарлемонт встретили и пошли за его величеством цесарские салдаты»³⁵. Вскоре царя приветствовала делегация кельнского курфюрста. В тот же день царский караван прибыл в находившийся под властью австрийского императора город Динан, 25-го — в Намюр, 26-го — в Льеж³⁶. Дальше в карете царь направился в Спа.

К сожалению, почти ничего не известно о впечатлениях Петра от путешествия по Шампани и Арденнам. До нас дошел лишь один рассказ царского секретаря Ивана Антоновича Черкасова, записанный через много лет после поездки Яковом Штелиным³⁷. Пётр I, по словам его секретаря, «дорогою во многих местах из дорожной своей коляски выходил, рассматривал и исследовал полевые и домашние работы поселян и с самими мужиками о том говорил <...> и вкратце вносил свои примечания в памятную свою книгу, которую он всегда при себе имел. Особливо делал сие на почтовых станциях, покамест лошадей переменили». На пути из Парижа царь увидел в одной из деревень работающего в своем саду человека,

---

³² Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

³³ *Bourguignon J.* Le passage de Pierre le Grand à son depart de France en 1717... № 5–6. P. 78.

³⁴ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 619.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 170–176.

³⁷ См.: *Штелин Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уз знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 71–74.

который «совсем не мужицкое имел одеяние». Узнав, что это священник, царь вошел к нему в сад и долго разговаривал с ним о садовой и полевой работе. Священник сказал, что его звание приносит небольшой доход, но оставляет свободное время «для обработывания сада и поля». Проданные плоды и шелк позволяют ему иметь лучшее пропитание, «нежели от малого дохода моего чина». Монарх восхищался трудолюбием этого священника и хвалил его своим спутникам, говоря: «Напомните мне о нем, когда мы возвратимся в наше отечество. Я постараюсь праздных наших деревенских попов таким порядком понудить к трудам, чтобы они посредством полевой и садовой работы собственный доставляли себе хлеб, пиво и квас и лучшей бы наслаждались жизнью, нежели как теперь в своей лениности». Ситуация, обрисованная в рассказе Черкасова, «который вместе был на сем пути», представляется вполне реалистичной. А тот факт, что Пётр в заграничном путешествии сравнивал европейские реалии с российскими и думал о внутренних проблемах российской жизни, не вызывает сомнения.